

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

ИВАН БОЙЦОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
iboytsov.spb@gmail.com

ЗИНА ДАНКЕР

Санкт-Петербургский государственный университет
zdanker@yandex.ru

АНДРЕЙ ЗАЙНУЛЬДИНОВ

Барселонский университет
andrei.zainouldinov@ub.edu

АННОТАЦИЯ

Предлагаемая статья рассматривает одну из актуальных проблем, посвященных изучению национальных культур и их языковому выражению. В рамках современных лингвокультурологических направлений анализируются такие вопросы, как «язык и культура», «языковая картина мира», гендерные параметры социума, языковое своеобразие концептов. Представлен сравнительный план русской и испанской национальных традиций и культур. Данная статья может быть полезна филологам, занимающимся вопросами лингвокультурологии, интересующимся проблемами «концепта», языковыми возможностями представления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, концепт, гендерный стереотип, «женственность», «мужественность», национальная культура, языковая картина мира, пословицы.

LINGUISTIC PERSPECTIVE ON GENDER CONCEPT IN RUSSIAN AND SPANISH CULTURES

ABSTRACT

The article addresses one of the controversial issues on studying national cultures and the ways they are expressed in the language. Authors analyze such concepts as “language and culture”, “linguistic representation of the world”, gender characteristics of the society, language originality of these concepts. The author proposes a comparative analysis of Russian and Spanish national cultures and traditions. This article may be useful for philologists, language arts educators, who study linguacultural questions on “concept” and its linguistic representation.

KEYWORDS: linguacultural studies, concept, gender stereotype, “femininity”, “masculinity”, national culture, linguistic representation of the world, proverbs.

Данная работа осуществлена при поддержке и в рамках проекта SOMEMBED-SLANG: COMPRENSION DEL LENGUAJE EN LOS MEDIOS DE COMUNICACION SOCIAL Испанского министерства экономики и развития.

«Определение ментальности затруднительно по причине слабой разработанности самой проблемы», - отмечалось в современной научной литературе известными учеными еще в конце XX века. Как обычно бывает, - рассуждали лингвисты, - новый термин вызывает смутные представления и субъективно осознаваемые образы, которые сразу же становятся символом для определенной точки зрения или известной научной школы. (Колесов 1999: 79).

Исследователи предполагали, что «только со временем» категории, связанные с ментальностью, могут получить характер понятия, которое требует логического определения. Полагалось, что пока «в настоящее время до такого состояния еще очень далеко».

«Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Колесов 1999: 81). Тем самым определяется основная единица ментальности – концепт данной культуры, который в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ.

Предполагается, что «концепт есть не что иное, как образование ума, точка зрения субъекта, но она обращена на нечто объективно-реальное» (Зыкова 2009: 25). С другой точки зрения, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода – некоторых сторон предмета или реальных действий: разного рода чисто мыслительных функций» (Аскольдов 2006: 56).

Вместе с тем язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Язык «хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» (Колесов 1999: 137).

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру. Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отображает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую «единую систему знаков, своего рода коллективную философию» (Маслова 2001: 65).

Проблема изучения языковой картины мира, - как подчеркивает В.А. Маслова, - тесно связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека в его бытии, взаимоотношения его миром, условия его существования. Языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую картину мира (Маслова 2001: 72).

Закономерно, при этом, что «язык — это естественный субстрат культуры, он пронизывает все ее стороны и служит инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировоззрения» (Братчикова 2003: 426). «Каждый язык реализует определенный способ отражения действительности в соответствии с конкретно историческим опытом данного народа, его культурой, условиями жизни. Концептуальная картина мира приобретает культурно-национальную специфику. Вместе с тем все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем.

Как совершенно справедливо отмечается, «исследователи разных направлений и областей знаний пришли к выводу, что язык неразрывно связан с культурой, с той реальностью, в которой живут люди, и с той деятельностью, которую они выполняют. Один и тот же общечеловеческий опыт фокусируется в конкретных национальных языках, которые по-разному членят одни и те же картины (отражения) реального мира. Такое «деление» реального мира с последующей номинацией его частей создает понятийный (культурный) мир человеческого коллектива. Иными словами, культура «делит» мир, а язык в своих названиях закрепляет его деление» (Тимко 2009: 300). В этом плане современная развивающаяся наука «лингвокультурология» становится наукой «о взаимодействии языка и культуры», в качестве задач которой становится «раскрытие ментальности народа и его культуры через язык» (Маслова 2001: 3-4).

Языковая картина мира фиксирует уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создает окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа. В свою очередь, «выбор эталонов или символов в картине мира» мотивирован. Мотивация эта зависит от характеристики всей концептуальной системы и может быть выявлена на уровне языковой картины мира» (Маслова 2001: 71-72).

Так, из рассмотрения национальной ментальности невозможно исключить проблему языка. В свою очередь, описание языка той или иной культуры ведет к пониманию ментальности, отражающей, в свою очередь, реалии на данном языке.

При этом в настоящее время ученые отмечают значимость проблемы, связанной с описанием гендерных параметров: «В лингвистике гендерная проблематика в последнее время стала одной из доминирующих» (Зыкова 2009: 25). Совершенно справедливо замечается, что к базовым концептам любой культуры относятся концепты «женщина» и «мужчина». И это понятно: все общества различают мужчин и женщин, и все общества

предписывают определенные роли полового поведения для взрослых мужчин и женщин.

Развиваемые гендерные описания приобретают собственную методологию, пути анализа, методику осмысления концептов. Именно «в содержательной стороне языка» очерчивается «картина мира данного этноса», которая «становится фундаментом всех культурных стереотипов». Ее анализ «помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры» (Маслова 2001: 68). Язык «воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» (Колесов 1999: 81).

Заметим, что, прежде всего, гендерный подход в языкознании опирается на стереотипы – установки модели поведения и характеристиках представителей каждого пола. «Они подразумевают категориальные определения («мужчина» и «женщина») и атрибутивные признаки, связанные с принадлежностью к определенному полу, такие, как внешний вид, род занятий, стереотипы поведения, в том числе и языкового и пр. В этом плане «основным компонентом гендерного стереотипа является культура, определяющая общепринятый в этнокультурном сознании «портрет» мужчины и женщины в широком смысле слова, включая ценностные и поведенческие ориентиры, традиционные представления о нормах морали и нравственности» (Зыкова 2009: 26).

Русская языковая картина мира создает стереотип гендерных концептов. В национальной ментальности «женщина» - это жена, замужняя женщина; соответственно, «мужчина» – это муж. Данное национальное представление (социальные роли «жена», «муж» соответствующих концептов) находит отражение в языковой категории. Речь идет о представлении национальной картины мира в рамках особой категории русского самосознания: «соборности». Имеется в виду «органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа» (Колесов 1999: 135). Именно «душа объединяет, а не разъединяет», «душа соборна», и «делает всех участников действия равноправными». При этом, «я» соединяется с «ты» через посредство «мы» – «только такое понимание оправданно нравственно». «Соборность» – это не «сборность элементов», а «именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета». В этом плане при осмыслении целостности «соборности» уместными оказываются рассуждения русского философа Н. Бердяева касательно представления данной категории. «Это есть таинственная жизнь Духа, - писал Н. Бердяев. - «Мы» в соборности не есть коллектив. Коллективизм не

соборность, а сборность. Он носит механический рациональный характер» (Бердяев 1995: 109).

В этом плане отражением категории «соборности» выступает, в частности, следующий ряд примеров: «Жена мужем красна», «Жена красна мужем, а муж – женой с детьми», «Жена от мужа на ноготок, а муж от жены на локоток» (Мокиенко 2010: 336-337), «Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу», «Муж да жена больше, чем брат и сестра», «Муж и жена – одна сатана» (Мокиенко 2010: 561-562).

Интересно, что категория «соборности» оформляется в паремических выражениях поговорочного характера не только в утвердительных синтаксических конструкциях. Категория «соборности» укрепляется языковыми средствами, представляющими отрицание в русском языке, в частности, с помощью приставки со значением отрицания «без». К примеру: «Жена без мужа – вдвое хуже», «Жена без мужа хуже всего» (Мокиенко 2010: 335). Сравним: «Муж без жены – что гусь без воды» (Мокиенко 2010: 560).

Неразрывное единство языка и культуры видится, с нашей точки зрения, в данном случае в выявляемой нами тема-рематической организации национальных суждений. Тема категории «соборности» оформляется целостностью словосочетания «жена без мужа», «муж без жены»; рема фокусирует национальную ментальность синонимический ряд: «вдвое хуже», «хуже всего», а также образным «что гусь без воды». Более того, национальный стереотип гендерных концептов усиливается особым набором лексико-синтаксической организацией: двойное отрицание, содержательным планом сравнения (хуже вдвое, хуже всего).

Как видим, концепт «мужчина» имеет в русской национальной культуре стереотип «муж с женой и с детьми». Однако, традиционная русская ментальность, представленная особым языковым выражением в сложившихся паремических изречениях, наиболее частотно соотносима с раскрытием концепта «женщина». В краткой речевой форме оформлены высказывания пословичного и поговорочного характера, отражающие нравственные принципы касательно данного концепта. Языковой материал наглядно демонстрирует содержание, раскрывающее концепт «женщина».

Одобрительная тональность в этом плане приобретают особые качества «женщины». Высочайшую оценку в русской ментальности приобретает «умная жена». Определяются в этом плане многочисленные примеры, в частности: «Умная жена – благодать божья», «Умная жена как нищему сума: все сбережет», «С умной женой пир пировать, а с глупой век горевать», «Чем умнее жена, тем сильнее семья» (Мокиенко 2010: 337-339). Определяются темы суждений, укрепляющие русскую ментальность: «умная жена», «с умной женой».

Вместе с тем, «умная жена» приобретает в русской ментальности национальные стереотипы. Положительно, одобрительно оценивается в русской ментальности духовное качество: доброта. Известны в этом плане

поговорки: «С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне», «С доброй женой – не горе, а радость вдвойне», «Добрую жену взять – горе не видать» (Мокиенко 2010: 339- 340).

Доминирующее качество женщины (доброта) выступает стереотипом в единстве с другой характеристикой «умной жены», определяемой как «хорошая хозяйка». В силу вступают метафорические средства выражения. К примеру: «Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи» (Мокиенко 2010: 335).

Вместе с тем, концепт «женщина» в стереотипном его представлении наполняется содержанием «честная жена», «смиренная жена». В русской национальной культуре эксплицитно выраженные данные качества приобретают одобрительную оценку. Доказательством тому выступают в частности следующие суждения: «Смиренна жена - велико добро», «Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша»; «Жена честнее – мужу милее» (Мокиенко 2010: 337).

Концепт «женщина» оформляет особые содержательные формы выражения. Качества женщины, соотносимые с внутренними параметрами, сравниваются с внешним обликом. Ценность в русской ментальности по сравнению с «красотой» приобретает «хозяйственность» и «доброта» женщины. В качестве примеров наглядно выступают поговорки с переносным значением: «Красота приглядится, а щи не прихлебаются», «Не гляди на красоту, а спрашивай доброту» (Мокиенко 2010: 450). Противопоставление «красоты» внутренним качествам «женщины» закономерно обуславливает сравнительно-противительные синтаксические конструкции с участием соответствующих союзов. Обращает внимание, что оформление русской ментальности в подобном случае выражается пословичными суждениями, имеющими конкретное коммуникативное назначение: совет, предостережение.

Неодобрительная тональность к «красоте» женщины оформляется краткими речевыми выражениями, содержательно-синтаксическая конструкция которых четко передает стереотипы русской ментальной картины: «Жена красовита – безумному радость», «Пригожа жена – лишняя сухота» (Мокиенко 2010: 338). Видится, с одной стороны, темы, связанной с «красотой»: «жена красовита», «пригожа жена», сопровождающиеся возвышенной тональностью. С другой стороны, языковая картина мира выражается с помощью стилистически сниженных языковых средств. При этом, неполнота предложений способствует концентрации языковой картины мира, раскрывая «что есть что».

Русская поговорка формулирует: «Жена хороша не телом, а делом», «Не ищи жену модницу, а ищи заботницу» (Мокиенко 2010: 337, 340). Так, «красота» жены противопоставляется «умной» (как заботливой, хозяйственной, доброй, смиренной): «На красивую жену глядеть хорошо, а с

умной – жить хорошо» (Мокиенко 2010: 450). Однако русская национальная картина мира широко демонстрирует единство «красоты» и «ума» женщины в качестве высоко оцениваемой характеристики. Не случайно, на наш взгляд, героиней народных сказок вступает и Василиса Прекрасная, и Василиса Премудрая. В едином оценивающем плане выступает в номинации лица и внешний облик женщины, и ее мудрость (как смекалка, умение разрешить постоянные проблемами).

В испанском языке на материале паремий представлено отсутствие необходимости красоты для мужчин: *El hombre y el oso, cuanto más feo, más hermoso* 'Мужчина и медведь – чем ужаснее, тем красивее'. Интересно, что и для женщин, согласно испанской народной мудрости, красота – не главное, важнее – веселье, легкий характер: *Mujer graciosa vale más que hermosa* 'Веселая женщина/жена лучше, чем красивая'; *Mujer muy hermosa, casi siempre es sosa*. 'Очень красивая женщина/жена почти всегда пресная'.

Языковое выражение национальной картины мира русских видится, в частности, в основах русской философии. Отмечается в этом плане: «В центре русского менталитета находится не факт, а конкретное дело» (Колесов 1999: 124). Именно «польза» выступает одним из необходимых «компонентов красоты». Как известно, русская национальная картина мира указывает на недолговечность красоты: «Красота как цвет: скоро увядает» (Колесов 1999: 459), «Красота лица не много прочнее яйца», «Красота – до венца, а ум – до конца» (Мокиенко 2010: 450). Так, вполне закономерно выступают советы, содержательный план которых передает национальную ментальность: «С красотой не жить, жить с умом», «Красота без разума пуста», «Не тянись за красотой, тянись за разумом», «Красота разума не придаст» (Мокиенко 2010: 340, 450).

Итак, русская национальная культура, как и любая другая, имеет собственные языковые стереотипы, передающие ментальность касательно гендерных концептов. Данная языковая картина мира раскрывает нравственные принципы, связанные с концептами «мужчина», «женщина».

Что касается испанской культуры и испанского языка, представляется трудным определить в рамках настоящей статьи, верным ли является утверждение о признании андроцентричности испаноязычной культуры как одной из доминантных черт в ее восприятии на основе таких культурных маркеров, как, например, тавромахия или мачизм (Зыкова 2011: 229), тем не менее контрастное рассмотрение лексического и паремиологического аспекта русского и испанского языков могут дать пищу для размышления.

Рассмотрим оценочные выражения, связанные с гендерными характеристиками мужчины. Так, выражение *настоящий мужчина* (любопытно, что в гораздо меньшей мере используется выражение *настоящая женщина*), в русском языке обозначает мужчину, который обладает мужественностью, решительностью, стойкостью, в большей

степени акцентируются моральные достоинства, чем физическая привлекательность, типичная для испанского языка.

Действительно, во многих современных обществах широко распространены гендерные стереотипы, приписывающие мужчинам такие качества, как активность, стремление к лидерству, авторитарности и риску, одновременно осуждающие проявление мужчинами слабости и эмоциональности.

Здесь же может быть рассмотрена лексическая единица *мужик* – '3. сущ. м. (прост./разг.). одобр. перен. Положительная характеристика мужчины. *Дацюк – мужик!* (СЭ)' (здесь и далее ЭМОС).

Гораздо более многочисленна в русском языке группа негативно-оценочных наименований, при этом активно используются деривационные возможности: *мужичишка* – '2. сущ. м. (прост./разг.) пренебр. уничиж. Мужчина. "(Михаил Кузьмич) был неказистый с виду мужичишка: низенький, сухонький." (Крутилин. За косогором)'; *мужичонка* – '2. сущ. м. (прост./разг.) пренебр. уничиж. Мужчина. "Гладких-отец был скромный сивый мужичонка, которого бивали и староста, и собственная жена." (Фадеев. Последний из удэге). "– Мужичонка мне попался худой, слабосильный – званье одно. Бывало, вышли первый год на пожню – глаза бы не глядели." (Абрамов. Братья и сестры). "Мужичонка с молодухи переметнулся на меня, что-то насчёт моей шляпы и фигуры вещал, Я не дал ему разойтись. «Заткни фонтан! – сказал я. – А то шляпой заткну!»." (Астафьев. Царь-рыба). "И хотя глядел он умно и строго, ходил с достоинством, а говорил, растягивая слова, Фомич понял, что мужичонко этот – круглый ноль." (Можяев. Живой!); *мужлан* – '1. сущ. м. (прост./разг. груб. бран.) пренебр. Невежественный человек.' "– Вломится, этак, какой-нибудь грязный мужлан, да и развалится и важничает, а Юрка ему водки подносит, лебезит перед ним" (Эртель. Записки степняка); '2. сущ. м. (прост./разг. груб. бран.) пренебр. Употребляется как бранное слово.' "– Девица чай его пить зовёт, а он нос на сторону. Мужлан ты сиволапый!" (Мельников-Печерский. В лесах). Здесь же должна быть представлена фразеологическая единица *маменькин/папенькин (папочкин) сынок* – '(разг.) пренебр. Избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек.' "Уже появились в рядах немцев старики из запасных гарнизонов... и мокрогубые мальчишки – маменькины сынки, набранные на скорую руку." (Тихонов. Единый боевой лагерь).

В свою очередь, в испанском языке превалируют на лексическом уровне позитивные эквиваленты, здесь можно рассмотреть лексико-грамматические варианты *miu hombre; todo un hombre; hombre hecho y derecho; ticho hombre* – 'настоящий мужчина' (этимологически интенсификаторы *очень, много, весь*); негативные варианты немногочисленны: *poco hombre; hombre para poco* – 'не настоящий мужчина' (этимологически интенсификаторы *мало, немного*).

Любопытны испанские паремиологические эквиваленты концепта настоящий мужчина: *Hombre de hecho, pelo en pecho; mas no todo el que ha pelo en pecho será de hecho* 'Настоящий мужчина – волосатая грудь, но волосатая грудь – не обязательно настоящий мужчина'; *No son hombres todos los que mean a la pared* 'Не все мужчины, кто мочится на стену'. Волосатость груди в испанском языке становится типичной характеристикой настоящего мужчины *Un hombrón de hecho, y de pelo en pecho* 'Настоящий мужчина, волосатая грудь' – "Hombre de valor y decisión y que cumple lo que promete. " – 'Человек чести, решительный мужчина, выполняет то, что обещал' (GDR 2001: 189).

На паремиологическом уровне в испанском языке представлены в значительном объеме как пословицы с компонентом *мужчина*, так и пословицы с компонентом *женщина*. Следует отметить, что в испанском языке, как, например, также в английском, слово *hombre* используется в двух значениях – 'мужчина' и 'человек'. Этот факт определяет скорее не то, что «данная лексическая единица в испанском языке дает основу ряду не просто положительных, но и возвышенных коннотаций» (Зыкова 2011: 229), а то, что некоторые пословицы могут относиться как к мужчине, так и к человеку вообще, в последнем случае в определенной степени стираются гендерные характеристики.

Так, например, в поговорках *Hombre apasionado no quiere ser consolado* ('Страстный мужчина не хочет утешения'); *Hombre apercebido, medio combatido* ('Предупрежден – наполовину вооружен'); *Hombre prevenido, medio combatido* ('Предусмотрителен – наполовину вооружен'); *Hombre apercebido vale por dos* ('Предупрежденный мужчина стоит двух'); *Hombre prevenido vale por dos, Hombre precavido vale por dos* ('Предусмотрительный мужчина стоит двух'); *El dinero y el amor traen los hombres al derredor* ('Деньги и любовь ведут мужчин к разорению') вместо мужчины может использоваться человек вообще (GDR 2001: 204). Если осмотренность воспринимается позитивно, то, естественно, неосмотренность воспринимается негативно: *Hombre atrevido dura como vaso de vidrio* ('Опрометчивый мужчина как стеклянный стакан'); *Hombre atrevido, cada día en peligro* ('Опрометчивый мужчина каждый день в опасности').

Так же негативно воспринимается ревность, как для мужчины, так и для женщины: *Mujer celosa, nunca reposa* ('Ревнивый мужчина не знает отдыха'); *Hombre celoso, no tiene reposo* ('Ревнивая женщина не знает отдыха'). Здесь же могут быть рассмотрены единицы, говорящие о необходимости компенсировать активной работой потерянной в результате лени: *Hombre perezoso, en la fiesta es acucioso; La albendera, los disantos, hilandera*. (GDR 2001: 204).

Для испанской культуры типичен контраст гендерных ролей: публичность, общественность для мужчины и домашность, семья для женщины: *El hombre, en la plaza, y la mujer, en casa* ('Мужчина – на площади, женщина – в доме'); *El tocino hace la olla, y el hombre la plaza; la mujer, la casa*.

(‘Жир на сковороде, мужчина – на площади, женщина – в доме’), отмечается большая приспособляемость женщины по сравнению с мужчиной: *El hombre, donde nace, y la mujer, donde va* (‘Мужчина – где рождается, женщина – куда идет’).

Негативно оцениваются у мужчин отсутствие искренности: *Pedir al hombre veras es pedir al olmo peras* ‘от мужчины искренности все равно что требовать от вяза груш’; их стремление жениться: *Hombre casado, asno estropeado* ‘Женатый мужчина – ущербный осел’. Здесь можно отметить, что в целом, как и в русском языке, мужчины в испанском языке при негативной эмоциональной оценке сравниваются со скотом: *Los hombres son mal ganado: el mejor es el menos malo* ‘Мужчины – плохой скот: лучший лишь немного лучше худшего’ (Сравни в русском *Любовь зла, полюбишь и козла. Меньшее из двух зол*); *козёл* – ‘1. сущ. м. (прост./разг. бран.) крайнее неодобр. перен. Бранное выражение. 2. сущ. м. (жарг.) крайнее неодобр. перен. Ругательство. Первоначально: жвачное парнокопытное животное семейства полорогих с длинной шерстью; самец домашней козы’ “– А ведь и не замечал до сих пор, что грешен, как козёл, эгоист первой руки и наделал зла такую кучу, что диво, как еще земля держит.” (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели); *скот* – ‘1. сущ. м. (грубо-прост. бран.) презр. перен. О грубом, низком, подлом человеке. *Скот ты этакий!* Первоначально: сельскохозяйственные млекопитающие животные’ “– Любить я вас недостойн, но преклоняться перед вами – это обязанность каждого, если он только не совершенный скот!” (Достоевский. Преступление и наказание). “– А не вызвать ли мне его на дуэль? – мелькнуло в голове Сигаева. – Впрочем, много чести. Таких скотов убивают как собак.” (Чехов. Мститель); ‘2. сущ. м. (разг. бран.) презр. перен. Употребляется как бранное слово.’ “– Это кто ещё въехал в ворота на двор? Вы что зеваете, скоты? – продолжал он, обращаясь к слугам.” (Пушкин. Арап Петра Великого). “– Ну, разгадал я? да, да?.. душа в пятки ушла? А я-то считал его стеною, кремнем! Тьфу ты, баба-сквернавка! Скотина, право, скот!” (Данилевский. Мирович); *скотина* – ‘1. сущ. м. и ж. (разг. бран.) презр. перен. Грубый, подлый человек. Первоначально: (ж. собир.) крупные сельскохозяйственные млекопитающие животные, а также (прост.) одно такое животное’ “– Ну, разгадал я? да, да?.. душа в пятки ушла? А я-то считал его стеною, кремнем! Тьфу ты, баба-сквернавка! Скотина, право, скот!” (Данилевский. Мирович). “Ах, какую надо быть деревянной скотиной, чтобы не чувствовать себя на вершине блаженства, когда она говорит, смеётся, показывает свои ослепительно белые зубки!” (Чехов. Предложение); ‘2. сущ. м. и ж. (разг. бран.) презр. перен. Употребляется как бранное слово.’ “(Анучкин:) Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку.” (Гоголь. Женитьба). “– Ты грубить ещё вздумал, скотина! – закричал инспектор с яростью.”

(Помяловский. Очерки бурсы); *кобель* – ‘сущ. м. (разг. груб. бран.) пренебр. крайнее неодобр. О похотливом мужчине. Первоначально: самец собаки’ “– Ты, рябой кобель, на мою красу не зарься.” (Рыленков. Сказка моего детства). “– Да не переживай ты, что жалеть-то? Пусть катится к чёртовой матери, кобель паршивый! Ты, Вера, молодая, на тебя вон люди завидуют.” (Антонов. Простить и помнить).

Любопытно, что в испанском языке выделяется целый раздел паремий, определяющих негативное восприятие женщины, среди которых наибольшие группы представляют единицы, характеризующие неосмотрительность, неискренность и болтливость (*La mujer y la pera, la que calla es buena* (‘Женщина и груша, хороша та, кто молчит’); *Mujer, viento y ventura, pronto se mudan* (‘Женщина, ветер и удача быстро меняются’); *Palabra de mujer no vale un alfiler* (‘Слово женщины не стоит заколки’); *Mujer, niño y loco no guardad el secreto de otro.* (‘Женщина, ребенок и сумасшедший не хранят чужие секреты’), а также отсутствие необходимости образования для женщин (*Ni joya prestada, ni mujer letrada* (‘Ни одолженная драгоценность, ни образованная женщина’); *Mujer con letras, dos veces necia* (‘Образованная женщина дважды глупа’); *Mujer que habla latín, rara vez buen fin* (‘С женщиной, знающей латынь, редко бывает счастливый финал’); *Mujeres y libros siempre mal avenido* (‘Женщины и книги всегда плохо дружат’). В русском языке паремий, связанных с образованием женщин, практически нет.

Немногочислен раздел паремий позитивного восприятия женщины, при этом положительно оцениваются домовитость: *La mujer buena, de la casa vacía hace llena* (‘Хорошая жена делает пустой дом полной чашей’); *La mujer casada, en el monte es albergada* (‘Замужняя женщина и на горе устроит дом’).

Среди единиц позитивного плана выделяются трансформация библейского *Человек предполагает, Бог располагает* в паремию *El hombre propone y la mujer dispone* (‘Мужчина предполагает, женщина располагает’; в русском просторечии ‘Муж – голова, жена – шея, куда хочу, туда верчу’).

Вместе с тем, гендерный концепт, как часть языковой картины мира, отражает не только стереотипы национальной культуры. Обращение к гендерному концепту дает возможность осмыслить традиции развития данных устоявшихся мировоззренческих категорий, представленных, в свою очередь, собственными языковыми средствами. Определяются при этом закономерности традиции словесного представления концептов «женщина», «мужчина».

Устойчивым видится ядро концепта «женщина», соотносимое с ее «красотой». Известны в этом плане словесные портреты «красивой» женщины (переведенные на многие языки мира), созданные великими авторами русской классической художественной прозы XIX века (Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев).

«Красота» женщины в качестве ведущего признака сохраняется и в русской литературе XX века. «Красота» эксплицитно присутствует не

только при описании, но и выносится в название. Имеется в виду, к примеру, «Красавица» В. Набокова:

Она с детства слыла красавицей: чистота профиля, выражение сложенных губ, шелковистость косы, доходившей до спинной впадинки, - все это и в самом деле было очаровательно.

Итак, перед нами взрослая барышня с большим бледным лицом, перестаравшимся в смысле правильности, но все-таки очень красивым: высокого роста, с мягкой грудью, всегда в черном джемпере; шарф вокруг белой шеи и английская папироса в тонкоперстой руке с выдающейся косточкой на запястье. (Набоков 2006).

Обращает внимание факт единства внешней «красоты» и «женственности», создаваемое переплетением описания черт лица и одежды (в частности, «всегда в черном джемпере; шарф вокруг белой шеи»), манеры поведения («английская папироса в тонкоперстой руке с выдающейся косточкой на запястье»).

Традиции соотношения «женщины» и «женственности» сохраняются и в современной русской культуре. Художественно-образные языковые средства направлены на создание образа привлекательной женщины: «маленькая, изящная, личико как светлое яичко в гнезде темных стриженных волос» (Л. Петрушевская «Еврейка Верочка»).

Более того, прослеживаются тенденции содержательного плана гендерных концептов, отражающего нюансы категории «соборности» в национальной культуре. Концепт «женщина» наполняется стабильным языковым выражением, отражающим современные реалии.

Устойчивой выступает личность женщины вне семьи, без мужа, одинокой женщины. Это личность женщины достаточно обеспеченной:

В своей комнате, где-то на проспекте кого-то большой дом, роскошные окна и высокие потолки»;

Комната была на диво хороша, как комната молодой художницы, много книг, зеркал, портьер, все темное и сверкающее, ковры и подушки (Петрушевская 2004).

Одинокая женщина профессиональна: «Великолепная брючница Вера»; «Она все делала как заправская мастерица». Одинокая женщина самостоятельна, зарабатывает своим трудом: «Жила она и зарабатывала честно и блестяще». И, наконец, одинокая современная женщина имеет ребенка вне брака, это «мать-одиночка»: «Родила она без мужа».

Тем самым, гендерный концепт наполняется содержанием, связанный с образом жизни женщины.

Традиции русской ментальности концепта «женщина» связаны с особым планом выражения «одиноким женщины». Посредством

повествовательных речевых высказываний, лексических единиц глагольных форм создается образ «матери-одиночки», материально нуждающейся, уставшей, пьющей, с чертами «былой красоты». Название «Страна» Л. Петрушевской приобретает метафоричность, передающая тональность огорчения, сожаления подобной «страны женщины»:

Мать все обсчитывает, рассчитывает и решает.

И они экономят, гасят свет, ложатся спать в девять часов.

Кто скажет, как живет тихая, пьющая женщина со своим ребенком, никому невидимая в однокомнатной квартире.

Она сама со следами былой красоты на лице – дугами, нос тонкий. (Петрушевская 2004)

Следует отметить, что отход от стереотипов национальной культуры прослеживается и в традициях русской ментальности относительно концепта «мужчина». Определяется не только соотношение «мужчина» - «не женатый», «не имеющий жену». Языковая картина мира находит свое выражение в иронически-оценочном словосочетании «весьма семейный». Подобный содержательный план концепта оформляет, к примеру, повествовательные речевые жанры:

История, которую хочу я рассказать, случилась именно с человеком серьезным и весьма семейным. Говорим «весьма семейным», потому что в силу именно своих семейных склонностей – качество весьма редкое в современном обществе, а потому особо ценное – имел целых две семьи сразу. (Тэффи 2006).

Уточняется: «Первая семья, в которой он жил, состояла из жены, с которой он не жил, и дочери» (там же). «Вторая семья, в которой он не жил, была сложнее. Она состояла из жены, с которой он не жил, и, как это ни странно – мужа этой жены. Была там еще чья-то маменька и чей-то братец. Большая семья, запутанная.» (Тэффи 2006).

Видится тональность сожаления, огорчения, связанная с подобными «семейными склонностями» в «современном обществе», демонстрирующая стабильность данной русской ментальности.

Последовательное осмысление стереотипов, традиций русской ментальности наглядно показывает, как соединяются различные эпохи, как приобретает нюансы национальная картина мира с учетом временной протяженности. Вместе с тем, «культура триедина как традиция, как система ценностей и как модели поведения» (Колесов 1999: 181). Конкретизируя справедливость положения о «триединстве» культуры, заметим, что вкладываем в данное понятие. Имеем в виду, прежде всего, устоявшуюся, традиционную, сложившуюся систему ценностей (стереотипы). Это и традиции национальной культуры, развиваемую систему ценностей, а также образ национального поведения, формирующий ментальность культуры. Интересно, что образ поведения

современного мужчины и современной женщины ведут к тождественной картине мира. В любом случае это – «успешная» личность.

Хочется отметить, что учебные пособия, предназначенные для иностранных студентов и предполагающие знакомство с русской национальной культурой, вбирают в себя многочисленные примеры «успешных» лиц. По своей сути «успешная» женщина или «успешный» мужчина реализованы в профессиональном плане, достигшие высокого профессионального и социального статуса, всемирной известности, материально независимы.

Учебное пособие Киры Алликметс и Анны Стренгель-Кямпер «Одна жизнь – две культуры» предлагает ряд биографических текстов «известных и талантливых людей», которые «творят, создают, достигая высочайших результатов в своем профессиональном труде». К примеру, сообщается:

Елизавета Пиленко – «личность значительная и неповторимая: поэтесса и художница, философ и эссеист, общественный и религиозный деятель».

Сравним: Александр Васильев – «театральный художник, искусствовед, историк моды, автор трех десятков книг, телеведущий, декоратор интерьеров, успешный бизнесмен». Или: Владимир Пирожков – «самый успешный промышленный дизайнер, работавший над созданием автомобилей Citroen, Toyota, а также флаконов Yves Saint Laurent, одежды и обуви для Adidas и легендарного автомобиля Ferrari». В настоящее время наш герой является президентом российского Центра промышленного дизайна и инноваций «Астра Росса». Михаил Шемякин – художник и скульптор. Вошел «в историю мирового искусства»; «он стал обладателем нескольких почетных степеней, в том числе в университете Сан-Франциско (США), Академии искусств Европы (Франция), а также является действительным членом Нью-Йоркской академии наук»; «лауреат Государственной премии Российской Федерации, народный художник Кабардино-Балкарии» (Алликметс, Стренгель-Кямпер 2011: 42,145,195, 238).

Безусловно, настоящая статья не претендует на исчерпывающее описание гендерных концептов в русской и испанской культуре, отражающих национальные закономерности ментальности. Проблема гендерного концепта многогранна и перспективна различными возможными аспектами осмысления картины мира русской и испанской культур, отражая их единство при всем разнообразии и неповторимости.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛЛИКМЕТС, К.; СТРЕНГЕЛЬ-КЯМПЕР, А. (2011), *Одна жизнь – две культуры*. Санкт-Петербург.
- АСКОЛЬДОВ, С.А. (2006), «Концепт и слово», *Вопросы философии*, 3, 64-65.

- БЕРДЯЕВ, Н. (1995), *Царство духа и царство кесаря*. Москва.
- БРАТЧИКОВА, Н.С. (2003), «Лингвокультурологическая специфика сравнительных оборотов», *Русское слово в мировой культуре*. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 426-433.
- ЗЫКОВА, С.А. (2009), «Способы выражения доминирующей маскулинности в лексическом фонде испанского языка», *Вестник Томского государственного университета*, 318, 25-27.
- ЗЫКОВА, С.А. (2011), «Особенности перевода гендерообразующих лексических единиц испанского языка», *Вестник Челябинского государственного Университета*, 24 (239), Филология. Искусствоведение, 57, 228-230.
- КОЛЕСОВ, В.В. (1999), «Тезисы о русской ментальности», *«Жизнь происходит от слова...»*, Санкт-Петербург, 79-83.
- МАСЛОВА, В. А. (2001), *Лингвокультурология. Учебное пособие*, Москва.
- МОКИЕНКО, В.М.; НИКИТИНА, Т.Г.; НИКОЛАЕВА, Е.К. (2010), *Большой словарь русских пословиц*, Москва.
- НАБОКОВ, В. (2006), «Красавица», *Десять рассказов*. Книга для чтения. Учебное пособие по русскому языку как иностранному / Н.А. Жукова, Москва, 108-119.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л. (2004), «Еврейка Верочка», *Д. Бончани «Ближе к России»*. Учебное пособие по чтению, развитию речи и анализу художественного текста, Москва, 343-344.
- ТИМКО, Н.В. (2009), «Культурологическая природа некоторых грамматических различий в русском и английском языках. Переводческий текст», *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9. Филология, Востоковедение. Журналистика, 3, 300-305.
- ТЭФФИ, Н.А. (2006), «Банальная история», *Десять рассказов*. Книга для чтения. Учебное пособие по русскому языку как иностранному, Москва, 48-64.
- ЭМОС (2017), *Зайнуддинов А.А. Эмоционально-оценочный словарь русской лексики и фразеологии* (в печати).
- SAMPOS, J.; BARELLA, A. (1993), *Diccionario de refranes ESPASA*, Madrid.
- GDR (2001), *Gran diccionario de refranes Larousse*, Barcelona.